

Е.В. ШАБАЛИНА

Работая во время летнего сезона 2005 г. в Калуйском р-не Вологодской обл., участники Топонимической экспедиции Уральского государственного университета записали ряд фактов из разряда метеорологической магии: «Когда морозы зимой и долго морозит, надо сорок плеших мужиков насчитать» (Куракино); «Когда морозит долго — так сорок плеших надо насчитать» (Капчино); «Когда зимой холодно, то, чтобы потеплело, надо, говорят, сорок плеших сосчитать. Тогда и потеплеет» (Бережок); «Ой, надоел холод — считайте сорок плеших. А где ж наберёшь сорок-то плеших? Тепло что было плешине, так, может, поэтому» (Ларионовская); «Зимой морозы — дак надо сорок плеших мужиков сосчитать, морозыте смягчают. А где взять столько в деревне? Плешихи-то больше попы были, не мужики» (Ларионовская); «Сорок плеших надо сосчитать весной. Теплее будет. Это в марте-апреле считали, когда рассаду садили» (Кузьминка); «Чтоб мягкая погода была, сорок плеших мужиков сосчитай. А почему сорок? Это какое-то святое» (Бор) и т.п.

Судя по приведенным контекстам, данное магическое действие имеет календарную приуроченность к концу зимы или началу весны. Однако неясным остается смысловое наполнение числового показателя 40, а также механизм влияния «плеших мужиков» на погодные условия.

Некоторые информанты соотносят время, когда следует пересчитывать сорок плеших, с православным праздником Сорока мучеников/Сорока святых, отмечаемым 22 марта (9 марта по ст.ст.): «Когда морозит долго — сорок плеших насчитать. Сорок плеших насчитывают — морозы перестанут. Сорок морозов считают до Егория от Сорока мучеников. Если от Сорока мучеников не прошло сорок морозов, значит, летом морозы будут» (Бережок); «Сорока-то мучеников есть. Говорят, после того сорок морозов. Так чтоб

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ МАГИЯ ВОЛОГОДЧИНЫ: СОРОК ПЛЕШИХ

Участники Топонимической экспедиции Уральского гос. университета. Слева направо: верхний ряд — А. Тихомирова, Ю. Кривошапова, О. Атрошенко, Е.Л. Березович, А. Макарова, Е. Шабалина; нижний ряд — К. Пьянкова, О. Усольцева. Фото М.Н. Толстой

их не было, считали сорок плеших мужиков» (Старостино).

Число 40, заявленное в самом наименовании праздника, имеет магическую коннотацию, которая проявляется в различных манипуляциях с рядом из сорока предметов (в основном это выпечка). Например, ко дню Сорока мучеников принято печь сорок «жаворонков», галушек или шариков. Этой выпечкой кормят домочадцев, чтобы обеспечить семье благополучный сельскохозяйственный год, или же выбрасывают ее за окошко, «прикармливая» и «задабривая» мороз, чтоб он поскорее закончился [1. Т. 4. С. 275]. Ср. полесские обряды: «Як празник Сорок-святые, кажуць, трэба сорок палок перэкинць через хату (до сонца), шоб яец набраць богато»; «Сорокá гуляюць вясною. У еты дзень я пяку сорак панпушак и трэба, коб усе их зъела адна баба. Хлопцы кладуць калоду, наверх дошку, и дзеўки скачуць, пудбиваюць адзін другога. Хто панпушки ёў, а хто клаў да пасеўной, коб у поле ўзяць» [2. С. 231—232].

Примечательно, что названные действия направлены на «зазывание» весны или же имеют продуцирующее значение. В связи с этим можно про-

вести параллель с калужским обрядом греть весну (основным содержанием которого является разведение костра и исполнение весенних закличек). Вероятно, данный обычай опирается на представление о том, что в один из ранневесенних праздников в землю попадает частичка небесного огня, от которого она начинает согреваться [3. С. 9—18].

Идея «небесного» влияния на погоду отражена и в христианском предании о сорока мучениках: чтобы заставить 40 воинов-христиан отречься от веры, их сначала заключили в темницу, а потом приговорили к побитию камнями — камни летели мимо; тогда воинов раздели и поставили на лед Севастийского озера; но вскоре Господь послал им спасение: лед растаял, вода в озере стала теплой, и над головой каждого появился нимб; утром было приказано всех казнить, а тела сжечь на костре и бросить в озеро [4. С. 86; 5. С. 57—58]. Данный сюжет актуален для восточнославянской культурной традиции. Ср., например, текст, записанный в Карелии: «Сорок мучеников рубили и бросали в воду, а они выходили. Так ни одного и не смогли убить. Чёрт плунул и пошёл

прочь. [Христос тоже был среди них:] Исус стоял и его рубили» (таким образом, Христос становится одним из сорока мучеников) [4. С. 86—87]. Белорусский текст включает новые сюжетные элементы: «Сорок святые, это святить их. Сорокосвятые, их Бог послал на воду, где лед замерз, они босы стояли. Адынкаже: «Я пойду, я не выдержу», — так вин пошоу у контуру. А той с канторы вылез и пошоу туды на лед стоя. О. Сорок святые это святить их. Но вони, значить, на лёду стояли. Сорок человека. То и называются — сорокосвятые» [4. С. 86—87]. В приведенном рассказе отображен один из вариантов церковного предания, в котором упоминается баня, затопленная на берегу для тех, кто отречется (см. «контура»), и замена единственного вроотступника человеком из числа стражников.

Еще одной сюжетной параллелью к *сорокам плешиным* и преданию о сорока мучениках может служить ритуал «согревания покойников», который осуществляется в холодное время года (зимой или ранней весной). Основу его составляет разведение поминального костра [6. С. 164—178; 7]. Возможно, данный ритуал мотивирован представлением о лютом холода, царящем в преисподней.

Анна Егоровна Пелевина из д. Алявина. Фото М.Н. Гафуровой

Итак, мы можем предполагать, что пересчитывание *сорока плеших*, если приурочивать его ко дню Сорока мучеников и квалифицировать как составную часть весенней обрядности, имеет двунаправленный характер: с одной стороны, данное действие нацелено на улучшение погоды (и в этом отношении сопоставимо с «согреванием весны»), с другой — поддерживает память о сорока святых (в чем проявляется его близость к ритуальному «согреванию покойников»). Ср. в полесской традиции: «На Сарака безпременна трэба скакаць на дошцы, штоб нагрэцца за тых бедненьких мучэнникаў, што не маюты як нагрэцца померзли на съмерцы» [2. С. 232]. Специфика зафиксированного нами обычая заключается в том, что вместо «реального» действия (разведение костра, подпрыгивание на доске) или вербальной формулы, выражющей основной смысл праздника, выполняется «ментальная» операция (пересчитывание).

«Земное» воплощение сорока мучеников в виде «плеших мужиков» допускает различные интерпретации. Опираясь на ряд коннотаций, которыми наделяется *лысина/плешь* в восточнославянской традиции (см.: [8]), мы можем предложить следующие версии:

- Соотнесение лысины с нимбом как основным признаком святости (ср. сияющим нимбом, появившимся над головой каждого из сорока мучеников). По этимологическим данным, лексема *лысый* возводится к и.-е. *leuk* ‘светить’, ‘светлый, блестящий’ [9. Т. 17. С. 50]. Ср. *лыситься* (безл.) ‘проясняться (о небе)’ [9. Т. 17. С. 224]. Цветовая символика *лысого* прослеживается и в лексемах иного порядка — номинациях животных: ср. *лысанко* ‘кличка лошади с белым пятном на лбу’; *лысатый* ‘с белым пятном на лбу (о животном)’; *лысатка, лысёна, лыска* ‘кличка коровы с белым пятном на лбу’ [10. Вып. 17. С. 223—224];

- Народное представление о плешиности как отличительном признаком священнослужителя. Ср. выше: «Плешивы-то больше попы были, не мужики» (Ларионовская). Такая связь имеет под собой реальное основание, поскольку в православной и католической традиции существует обычай выстригать макушку при посвящении в сан;

- Персонификация мороза в виде «лысого». Предположение о возмож-

ности такой персонификации высказывается Т.В. Володиной с опорой на белорусский фольклорный материал, в частности, приводится отрывок из песни: «Смерти, смерти, или на лесы, // Иди на безвесть, или на море. // И ты, Морозе, великий, а лысый, // Не приходь до нас из своей коморы» [5. С. 12];

• Лысина как отклонение от нормы и показатель неких сверхъестественных способностей (в нашем случае — способности влиять на погоду). Ср. текст, записанный в с. Синевир Межгорского р-на Закарпатской обл. (Украина): «[Когда] морос у зимі, так мороз дошо, дошо не.. в нас кажут, *не перепукат с'а* морос. Но та треба личити [считать] дешјат’ лысых, дешјат’ кылавых [с грыжей] та дешјат’ хромых. Треба наличити ув одному селі, штобы было <...> Треба наприклад мені тепер’ наличити, та дуже бы ми подумати, оби-м я најушла.. с’ш’ко, с’акый шшот усых [всех], та не мош наличити, та ишче морос не перепукнене...» [11. С. 478]. *Лысый, кылавый и хромой* входят в один смысловой ряд и скрепляются общей семой «ненормативности». Такая рядоположенность нивелирует «самостоятельную» символику лысины, и, как следствие, ослабляет связь обычая считать *сорок плеших* с днем Сорока мучеников (чему способствует также мена числового компонента: 9 вместо 40).

Варьирование числовых показателей в контекстах указывает на то, что информанты в различной степени осознают закрепленность обычая за конкретной календарной датой: «Весной, чтобы заморозки кончились, считали сто плеших мужиков» (Заяцкое); «Двенадцать плеших сосчитай — потеплеет, плеши — те почему? Не знаю. Было двенадцать апостолов, может, от них» (Сосновка) (ср. также приведенный выше украинский текст).

Если же рассматривать обычай считать *сорок плеших* вне связи с весенним обрядовым циклом, то можно установить его родство с обрядом *молить ветер*, бытующим у архангельских поморов. При его исполнении женщины выкрикивали: «Всток да обедник, // Пора потягать, Запад да шалоник, // Пора покидать. // Тридевять плеший // Все сошитанные, // Перешитанные, // Востокова плешь // По середине пошла» [12. С. 113]. Очевидно, в тексте реализуется тот же мотив влияния лысо-

го/плешиового на погодные условия. Последние две строки наводят на мысль о персонификации ветра в виде некоего плешиового существа. Ср. номинации *безрукий* 'о ветре' [10. Вып. 2. С. 199], *безрукой* 'очень сильный (о ветре)', *безручник* 'мифическое существо — дух вихря' [13. Т. 1. С. 88].

Обряд *молить ветер* не имеет определенной календарной привязки, однако в нем также фигурируют числовые показатели. В приведенном тексте упоминается «*тридевять плеший*», в описании того же обряда, данном в Мезенском р-не Архангельской обл., появляется число 40: «*Плехатых считали: сорок плехатых насчитали, чтобы ветер был*» [14]. Сюда же можно отнести и факт метеорологической магии, зафиксированный в Витебской губернии: для вызывания дождя произносили имена 12 известных плеших [15. С. 215, № 1674].

Связь «ветер/дождь — плеший» выводит нас на весьма интересную линию, уходящую за пределы не только русской, но и европейской традиции и требующую подробной разработки. Так, в казахских призывах к духу ветра упоминается лысая голова. У туркменов ветер, дующий на Бакам-гаше, именуется *кел-кер* 'плеший слепой'. В персидских текстах, направленных на вызывание дождя, также упоминаются плешие [16. С. 108]. Не располагая достаточным количеством такого рода фактов, мы можем лишь констатировать принадлежность данного мотива глубинному архетипическому пласту культуры.

Числовые компоненты, встречающиеся в приведенных контекстах (*сорок, двенадцать, сто, девять, тридевять*), выступают, очевидно, в качестве контекстуальных синонимов с общей семантикой множества. Кроме того, каждое из этих чисел занимает свое место в сфере традиционной культуры и является значимым элементом народного числового ряда. Исключением можно считать только числительное *сто*, которое не обладает ярко выраженной культурной коннотацией и связано с практикой «бытового» (а не «магического») счета.

Ядром нашего числового ряда является *сорок*. В русской традиции это наиболее популярное число для обозначения неопределенного множества. Слово *сорок*, закрепившееся в

восточнославянских языках (изначально — как счетная единица), в силу краткости своей формы имеет большие возможности для образования дериватов и функционирования в устойчивых сочетаниях, ср. коллекцию фактов в работе А.Ф. Журавлева [17]. Однако факты других славянских языков (особенно южнославянских) также указывают на популярность этого числового обозначения, не обусловленную формальной оболочкой слова (ср. болг. *четиридесет*, с.-х. *четредесет*). В неславянских культурах *сорок* обладает сходным смысловым потенциалом: ср. рус. *сорокоградье*, итал. *quadraginta castella* 'сорок замков', тюрк. *qırq-yer* 'сорок местностей'. Широко представлена символика 40 в библейских текстах: 40 дней и ночей шел дождь, вызвавший потоп; 40 дней провел Моисей на горе Синай; 40 лет евреи скитались по пустыне; 40 дней проходит от Воскресения до Вознесения. Возможно, в предании о сорока мучениках числовой показатель также мотивирован связью с библейской традицией. По мысли А.Ф. Журавлева, *сорок* воплощает идею очерченности и полноты, что позволяет ему, с одной стороны, выступать в качестве счетной единицы, с другой — обозначать некое «округленное» множество.

Для *двенадцати* в христианской традиции наиболее актуальной опять же является библейская символика — соотнесение с двенадцатью апостолами. В нашем случае такого рода ассоциации вполне закономерны, если мы принимаем версию о символическом воплощении мучеников в виде «плеших мужиков».

Текст, записанный в селе Синевир (см. выше), расширяет ряд контекстуальных числовых «синонимов» за счет включения числительного *девять*. Функционирование *девяти* в качестве показателя множества может объясняться заложенной в нем идеей «интенсивного» (утроенного) числа 3 (которое, в свою очередь, в архаических культурных традициях наделяется символикой динамической целостности). Ту же идею (но с большей интенсивностью, поскольку это уже 3x9) транслирует *тридевять*.

Наличие числовых вариаций, а также замена лысины другими корпоральными недостатками, казалось бы, препятствуют утверждению о связи анализируемой магической прак-

тики с конкретной календарной датой (праздник Сорока мучеников). Однако наш материал, демонстрирующий особенности локального бытования общих для восточных славян представлений, позволяет все же установить довольно прочную корреляцию «сорока плеших» с сорокой мучениками в рамках изучаемой традиции (вологодские говоры).

Литература

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880—1882 (1989). Т. 1—4.
2. *Толстая С.М.* Полесский народный календарь. М., 2005.
3. *Агапкина Т.А.* Калужский обряд «греть весну» и его славянские параллели // Славянские этюды: Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999. С. 9—18.
4. *Белова О.В.* «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды. М., 2004.
5. *Громова И.А.* Православные и народные праздники. М., 2005.
6. *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901—1913. М., 1994.
7. *Агапкина Т.А.* Славянский обычай «обогревания покойников» // Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985. С. 43—46.
8. *Володина Т.В.* Лысый и лысина в восточнославянской народной культуре // ЖС. 2001. № 3. С. 11—12.
9. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974—. Т. 1—.
10. Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—. Вып. 1—.
11. *Толстая М.Н.* Несколько текстов из села Синевир // Славянские этюды: Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999. С. 477—490.
12. *Бернштам Т.А.* Традиционный праздничный фольклор в Поморье во второй половине XIX — начале XX в. // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л., 1977. С. 88—115.
13. Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001—. Т. 1—.
14. Лексическая картотека топонимической экспедиции Уральского государственного университета.
15. *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897.
16. *Азим-Заде Э.Г.* Русско-славянская астрономическая и метеорологическая терминология в сравнительно-историческом и типологическом аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
17. *Журавлев А.Ф.* Несколько славяно-неславянских культурных и языковых встреч // Встречи этнических культур в зеркале языка. М., 2002. С. 253—261.